

Джор Хейл

Долина белых птиц:
история Элиаса Торнтона

18+

Лиор Хейл

**Долина белых птиц:
история Элиаса Торнтона**

«Автор»

2026

Хейл Л.

Долина белых птиц: история Элиаса Торнтона / Л. Хейл —
«Автор», 2026

«Долина белых птиц: история Элиаса Торнтона» — книга о мальчике, который рос в тени отцовской жестокости и в поисках собственного голоса. Элиас Торнтон — художник, который не смел рисовать; сын, который боялся любить; человек, который учился жить заново после того, как мир сказал ему, что он не имеет права на свет. Это история о побеге — не из дома, а из самого себя. О встрече с тем, кто протянул руку в самый тёмный час. Это книга о том, как из страданий рождается свет. И о том, как мальчик, которому запрещали быть, однажды понял: его жизнь принадлежит ему. И это — единственная правда, которую не может отнять никто.

© Хейл Л., 2026

© Автор, 2026

Лиор Хейл

Долина белых птиц: история Элиаса Торнтона

Лиор Хейл

Долина белых птиц: история Элиаса Торнтона

1.

Лето в Илкли стояло редкостное — чистое, без единого облачка, с таким лазоревым небом, что казалось, оно звенит от солнечного света. Над свежескошенными газонами кружили пчёлы, деловитые, терпеливые, будто знали цену каждому мгновению тепла. Где-то красили забор, и запах акрила мягко растекался вдоль улицы, смешиваясь с ароматом травы и горячего дерева. Жизнь маленького городка в Западном Йоркшире кипела тихо, по-домашнему, как крыжовниковое варенье в кастрюле миссис Огден — густо, сладко, неторопливо. Было лето тысяча девятьсот пятьдесят второго года.

Из крошечного чердачного окна, спрятанного под тяжёлыми гардинами, осторожно выглядывала тёмная мальчишеская головка. Окошко было таким маленьким, что могло бы служить скворечником для озябших голубей или

пристанищем для влажных утренних туманов. Или — мансардной кладовой, где хранились бы старые отцовские сапоги да мамыны платья... если бы у этой головки была мама.

Но сапоги с поношенными голенищами стояли в прихожей, под грудой старых газет на медном разное, голуби не залетали «на постой», как любил говорить хозяин дома, и потому чердак достался мальчику. И его это нисколько не печалило.

Он стоял в сандалиях на пружинистой кровати и смотрел вниз, на соседский двор. Там играли ребята — чуть старше его, лет шести. Они никогда не брали его с собой, обзывая «мелюзгой» и «пузатой мошкой». И каждый раз мальчик бежал к отцу, в слезах, прося выйти на веранду и пригрозить обидчикам своим громадным кулаком.

Именно в то утро одному из ребят купили велосипед — новенький, блестящий, с хромированным рулем и тонкими шинами, которые еще пахли магазинной резиной и маслом. И весь двор сразу ожил: каждый просил прокатить его хотя бы круг по двору или вдоль улицы до самого последнего забора у развилки, где начинались поля. Тот, кому выпадала честь усесться на свежее седло, мгновенно превращался в героя — главного оруженосца, рыцаря, гонца. Он срывался с места, свистел от восторга и крутил педали так яростно, будто от этого зависела судьба мира.

Остальные бежали следом, устраивая засады за тонкими стволами молоденьких деревьев и в зарослях золотого гребешка. Они поджидали возвращения счастливчика, готовые наброситься на него с шумом, смехом и обещанной «взбучкой» — той самой, детской, беззлобной, но громкой.

Смелчак мчался до соседней улицы и окликал ребят, толпившихся у дички. Те торопливо срывали зелёные, ещё твёрдые плоды дикой груши и набивали ими карманы шорт. Услышав вызов, они вскакивали на свои велосипеды —

сваленные грудой вдоль забора — и бросались в погоню, поднимая клубы золотистой пыли.

В эти мгновения мальчик в чердачном окне видел себя среди них: верхом на таком же велосипеде, несущимся по улице, с полными карманами кислой дикой груши. Он представлял, как обгоняет «пузатую мошкарку», как смеётся, как зовёт их за собой. Это были самые первые, самые светлые воспоминания его детства.

2.

— Ну а как же заповедь: «Не укради»? Что ты делаешь в церкви с этими Огденами, если всё проходит мимо твоих ушей? — голос мужчины взвился резко, как хлыст. Он смотрел сверху вниз на маленького мальчика, который

жалобно всхлипывал и виновато протягивал ему два кубика белоснежного рафинада.

— Молчишь? Ну, молчи, молчи, — бросил он, уже не повышая голоса, но от этого становилось только страшнее. Он взял сына за руку.

— Прости, пожалуйста, папочка... — всхлипнул ребёнок и положил в широкую ладонь отца подтаявший сахар.

Мужчина молча опустил кубики обратно в сахарницу, закрыл её и убрал в кухонный комод. Тишина была густой, как сироп.

— И сколько же ты уже успел слопать, скажи на милость? Только не лги мне. И смотри в глаза, когда я к тебе обращаюсь, — приказал он и сжал влажную, липкую ладошку сына в своей.

— Нисколько, папочка... я взял только два маленьких кубика... — прошептал мальчик и потянулся губами к тыльной стороне отцовской руки, которая сжимала его пальцы до боли.

— Тайком. Как негодный воришка! — взорвался отец.

— Нет, папа! — выкрикнул малыш, умоляюще, отчаянно.

Ответом стала звонкая пощёчина. Краешки губ мальчика дрогнули, поползли вниз; в глазах выступили прозрачные бусинки, и, не выдержав обиды, покатались по смуглым щёчкам. Он прижал ладошку к покрасневшейся горячей щеке — и разрыдался.

Мужчина сурово взглянул на него, скривил губы, резко дёрнул за руку и широкими, тяжёлыми шагами поднялся по лестнице на второй этаж, к чердачной комнате. Мальчик, всхлипывая и всё ещё держась за ушибленную щеку, поспевал за ним, отчаянно перебирая ступени своими маленькими ножками. Сандалии звонко стучали по дереву; тёмно-синие гольфы сползли с тонких икр до щиколоток.

Отец, не произнеся ни слова, завёл сына в детскую. Уже выходя, он бросил через плечо:

— Сиди тут. И чтобы я тебя до ужина не слышал и не видел, Элиас. И моли Господа, чтобы Он отпустил твои грехи и не кинул тебя в горящее пламя живьём.

Ребёнок забрался на кровать, забившись всем своим существом в дальний угол, и прижал ножки к груди, обхватив их руками. Элиасу было страшно — так страшно, что губы сами собой начали судорожно шептать молитву, ту самую, которую он выучил с доброй миссис Огден и её сыновьями по дороге на воскресную службу.

Мысль о том, что Добрый Господь, который, по словам проповедника, любит детей и оберегает их, может разгневаться и бросить его в огонь, распухла в голове, как болезненная заноза. Стоило ему представить огонь, как вспоминался их огромный камин — похожий на звериную пасть, где потрескивали почерневшие поленья. Тогда всё его тело охватывала неприятная, колючая дрожь.

Он встал на колени прямо на кровати и, глядя в маленькое окошко на ясное небо, будто пытался разглядеть там лик самого Господа, начал молиться. Замолив свой грех, он непременно попросил Всевышнего вернуть маму домой — как делал всегда на мессе — и взамен поклялся быть послушным, добрым мальчиком, который больше никогда в жизни не украдёт ни рафинада, ни каких-либо других сладостей из кухонного шкафа.

Комната его была маленькой, почти игрушечной, — обычный чердак: крепкий дубовый шкаф, письменный стол с зазубринками по краям и маленьким электрическим ночником, стул и кровать. В углу, у двери, стояла коробка с игрушками: часть привёз отец из командировок, часть отдали добрые соседи.

Элиас любил кубики и большой грузовик, представляя, как загружает в кузов огородные блоки. Но больше всего он любил книги — о мореплавателях и отважных капитанах, о кораблях и океанах, с зарисовками к индийским рассказам Редьярда Киплинга и Ханке Хельмут. Он бережно перелистывал страницы, положив книгу на колени, и долго рассматривал картинки, водя пальчиком по ещё неизвестным ему буквам с забавными завитками и пузатыми брюшками.

Элиас любил рисовать — но не так, как рисуют обычные дети. Он не выводил кривые домики и круглые солнца. Его взгляд был недетским: внимательным, точным, будто он уже понимал, что мир состоит из линий, теней и оттенков. Он долго смотрел в окно на закат, в котором тонула огненно-рыжая полоска солнца; на черепичные крыши домов; на строгие тёмно-зелёные газоны; на крохотных птичек, ведущих свои беспокойные переклички.

И только потом начинал рисовать — маленькой ручкой по белому листу, проводя едва заметные линии остриём карандаша. Линии становились увереннее, темнее, пока не обретали форму, превращаясь в настоящий рисунок — точный, живой, будто мальчик не изображал мир, а вспоминал его.

К вечеру отец разрешил ему спуститься к ужину и властным тоном заявил, что завтра сам отведёт сына на мессу — проверить, так ли он внимателен и правильно ли ведёт себя во время службы.

Элиас бросился в отчаянные уверения, что он всегда слушает проповедника, что миссис Огден может подтвердить это: она ведь каждый раз заботливо спрашивается у священника о поведении своих сыновей и каждое воскресенье ходит исповедоваться, а значит — не может говорить неправду.

Отец немного смягчился и погладил мальчика по голове. Элиас тотчас забрался к нему на колени и начал ласково гладить его щёки, подбородок, лоб и виски, покрывая их быстрыми, горячими поцелуями.

3.

Утро того воскресенья было ясным и прохладным, с тем особым, почти торжественным спокойствием, которое словно задерживается над маленькими английскими городками. Солнце поднималось медленно, освещая черепичные крыши, влажные от ночного тумана, и узкие улочки, где ещё не просохла роса. В воздухе стоял запах мокрого камня, дымка из труб и свежего хлеба, который хозяйки уже ставили на подоконники остывать.

Пол вышел из дома в своей военной форме — тщательно выглаженной, строгой, с блеском начищенных пуговиц. Элиас шагал рядом, едва поспевая за широким шагом отца, но держался с гордо поднятой головой, будто сам был частью этого торжественного шествия. Он то и дело оглядывался по сторонам, чтобы убедиться, что его друзья — и особенно обидчики — видят, как он идёт рядом с настоящим военным.

Он беспрестанно прижимался к отцу, целовал его руку, улыбался при одной мысли, что это утро они проведут вместе, и что отец, такой высокий и сильный, принадлежит сейчас только ему.

Церковь была простой, протестантской, как большинство приходов в тех краях: белёные стены, деревянные балки под потолком, узкие витражи, через которые свет проникал мягкими, пыльными столбами. Внутри пахло старым деревом, свечным воском и влажными hymn books, которые годами лежали на тех же самых скамьях.

Всю службу они простояли. Даже когда ноги у Элиаса начали гудеть от усталости, он не позволил себе присесть — отец стоял, значит, и он должен стоять. Мальчик молчал, не шевелясь, и лишь изредка бросал быстрый взгляд на Пола, словно проверяя, всё ли делает правильно.

Он молился о здоровье отца, о матери, которую никогда не знал, о соседях, которых перечислял шёпотом, поимённо, как маленький хранитель их судеб. И просил Господа, чтобы когда-нибудь вырос таким же сильным, благородным человеком, как его отец.

После службы Пол подошёл к приходскому священнику — сухощавому мужчине с мягкими глазами — и спросил, где можно найти няню, способную дать мальчику достойное религиозное воспитание. Священник одобрительно кивнул, улыбнулся Элиасу и пообещал подыскать надёжную женщину.

С этого дня Пол стал ходить на все воскресные службы вместе с сыном, больше не доверя мальчика заботливым рукам миссис Огден. Теперь они занимали своё место на длинной деревянной скамье, рядом с пожилой миссис Хоулмз — женщиной слеповатой, глуховатой, но исполненной трогательного усердия. Она неизменно тянулась к крошечному молитвослову, лежавшему на подставке, и, прижав его к груди, пыталась пропеть строки гимна своим дребезжащим, скрипучим голосом.

На переносице у неё громоздились огромные очки с двойными линзами, отчего глаза казались Элиасу неправдоподобно большими, словно нарисованными на стекле. Иногда она осторожно поднимала мальчика под локоть, стараясь приучить его к пению псалмов, но Элиас неизменно отодвигался: от неё исходил тяжёлый, затхлый запах — то ли старого гуталина, которым она натирала свои ботинки, то ли влажной шерсти её пальто, давно не знавшего свежего воздуха.

Во время пения, особенно на звонких согласных, она невольно брызгала слюной, и Элиас морщился, но не смел отодвинуться слишком далеко. Пол, заметив его движение, строго велел держать книгу перед глазами пожилой мэм и внимать каждому её слову.

И мальчик, с тем безоговорочным повиновением, которое всегда проявлял рядом с отцом, выполнял наказ. На обратном пути домой он нередко пытался пропеть всю мессу по памяти — не ради молитвы, а чтобы заслужить редкое, но такое желанное отцовское одобрение.

В одно из таких воскресений мальчику вздумалось подшутить над пожилой мэм. В отцовском кабинете он нашёл маленькую книжицу — по виду почти как молитвенник, но с мелкими, тесными столбцами слов и странными точками над буквами. Это был англо-немецкий словарь. Элиас спрятал его во внутренний карман своей воскресной курточки.

Когда они пришли в церковь, миссис Хоулмз ещё не было. Отец велел сыну заранее открыть книгу на нужной странице. Элиас послушно раскрыл не псалтырь, а словарь, выбрав наугад самую мелко исписанную страницу, и аккуратно положил его на скамью перед местом пожилой женщины.

Он оглядывался по сторонам, выискивая глазами миссис Огден и её сыновей — Кайла и Стивена, — чтобы они, не дай Бог, не заметили его шалости.

Наконец появилась и сама миссис Хоулмз. Она шла вдоль рядов, переваливаясь на коротких кривых ногах, опираясь на длинную клюку. Её седые волосы, стянутые в чёрную сетку, сбились набок. Она протёрла виски носовым платком, поздоровалась с мистером Торнтоном и Элиасом, потрепала мальчика за щёки и произнесла своим дребезжащим голосом:

— Премилый мальчик.

Когда священник начал службу, миссис Хоулмз склонилась над раскрытой книгой. Через мгновение огромные линзы её очков удивлённо поднялись: сначала на проповедника, затем на хор, потом на прихожан вокруг, и, наконец, на Элиаса.

— Ничего не понимаю... Мальчик мой, о чём это они поют? — прошептала она ему на ухо и придвинула книгу.

Элиас опустил голову, чтобы скрыть улыбку, и ткнул пальцем в одно из слов.

— Вот здесь, мэм.

Женщина наклонилась и медленно прочитала по слогам:

— Те-тен-фиш... ка-ра-ка-ти-ца... Да как же это? Неужто мессы теперь будут проходить на немецком?

Элиас едва удержался от смеха и с серьёзным видом прошептал:

— Да-да, сегодня месса на немецком, мэм. Язык сломаешь. Поют про каракатицу. Это дословный перевод: «Каракатица в море живёт, аллилуйя; рыбак на базаре её продаёт, аллилуйя; она нам в желудок на праздник падёт, а после снова в моря уплывёт...» Это сам святой отец продиктовал, но вы тогда ещё не пришли.

Миссис Хоулмз привстала, ошарашенно оглядываясь. Её взгляд случайно встретился с глазами Пола.

— Что стряслось, миссис Хоулмз? Вам дурно? — спросил он, придерживая её за руку.

— Мистер Торнтон, простите старую дурочку, но я в полной растерянности! Неужели эта месса... на немецком? И почему о каракатице?

— О чём вы говорите, милейшая? — удивился Пол.

— Как же, мистер Торнтон... а что это у меня в руках?

Она протянула ему книгу. Пол пробежал глазами по странице, перевернул книжицу — и тотчас узнал свой англо-немецкий словарь. Он поднял взгляд на сына и увидел на его лице широкоую, виновато-торжествующую улыбку.

Отец глубоко вздохнул — так, будто этот вздох должен был унести с собой и смущение, и неловкость, и детскую шалость. Извинившись перед мэм, он протянул ей свой молитвослов.

Элиас, побледнев от стыда, осторожно поцеловал отца руку, придвинулся к пожилой женщине и, стараясь не фальшивить, запел вместе с ней, ловя каждую ноту, будто искупал ею свою вину.

После утренней мессы Пол ещё раз попросил у миссис Хоулмз прощения. Та, к удивлению мальчика, только рассмеялась — мягко, почти девичье — и, погладив Элиаса по голове, сказала:

— Ах ты, маленький озорник.

Потом она повернулась к Полу, и в её голосе прозвучала неожиданная

мудрость:

— Не наказывайте его, мистер Торнтон. Когда ему ещё пошалить, как не сейчас.

С этими словами она тепло распрощалась с ними и, опираясь на свою клюку, медленно вышла из церкви.

Пол молчал, пока они не остались одни. Лишь когда дверь за мамой закрылась, он повернулся к сыну и холодно, почти ледяным голосом спросил:

— Твоих рук дело, Элиас?

Мальчик вздрогнул, но не стал лгать.

— Да... — прошептал он и опустил голову.

— Ты без разрешения полез в мою библиотеку. И снова украл?

— Я... я только хотел пошутить, — голос дрогнул. — Я бы всё равно вернул книгу обратно. Честное слово, папочка. Я не вру...

Пол смотрел на него долго, тяжело, словно пытаясь разглядеть в мальчике то, что ускользало от него самого.

— И как мне теперь с тобой поступить?

Элиас сжал плечи, будто пытаясь стать меньше, и едва слышно произнёс, глядя в пол:

— Простить... и не наказывать. Ведь... ведь шалости — это то, что дети делают, пока ещё могут... пока не выросли.

Пол тихо фыркнул, но уголок его рта дрогнул.

— Запомни, сын: безумствовать можно только там, где это уместно.

Мальчик кивнул, всё ещё не смея поднять взгляд.

И вдруг Пол рассмеялся — громко, искренне, так, что смех его отозвался под сводами пустой церкви.

— Месса на немецком про каракатицу... Вот уж не думал, что доживу до такого. Что ж, дома мне споёшь.

Элиас поднял глаза.

И в этот миг его сердце — маленькое, горячее, преданное — словно распахнулось навстречу отцу.

Он чувствовал, как внутри поднимается тёплая волна: облегчение, благодарность, любовь, такая чистая, что она почти болела.

Он смотрел на Пола так, как смотрят дети, для которых отец — не просто родитель, а целый мир: высокий, сильный, непоколебимый, но способный улыбнуться именно ему, своему мальчику.

И сердце Элиаса ликовало — тихо, светло, как ликование свечи, которую никто не в силах задуть.

4.

В один из тех бесконечно пасмурных дней, когда небо висит над землёй свинцовым куполом, на пороге их дома появилась худая, строго и элегантно одетая женщина. Её седые волосы были стянуты в тугую, почти аскетичный пучок на затылке, как у балерины, давно покинувшей сцену. Лицо — сухое, обветренное, с сероватым оттенком, острым подбородком и тонкими, недовольством поджатыми губами — казалось выточенным из холодного камня.

— Это миссис Керк, Элиас. Твоя новая няня, — произнёс Пол деловито, почти официально, слегка подтолкнув мальчика вперёд.

Ребёнок растерянно раскрыл рот и, не смея поднять глаз, испуганно взглянул на огромные, увесистые книги, которые женщина держала в своих длинных, костлявых руках.

— Ну же, поздоровайся, Элиас, — скомандовал отец.

— Здравствуйте... — робко выдохнул мальчик, продолжая изучать и её, и те мрачные тома, будто предвещавшие ему неведомые испытания.

— Это, разумеется, никуда не годится! — воскликнула миссис Керк, качнув головой так, что пучок на затылке дрогнул. — Я вижу, молодой человек совершенно не знаком с элементарными правилами приличия, если его собственному отцу приходится напоминать ему о столь простых вещах, как приветствие старших.

— Вы совершенно правы, миссис Керк, — подхватил Пол с натянутой добродушностью. — Именно поэтому я и обратился к вам, зная, скольких детей вы сумели преобразить почти чудесным образом.

— О, вы преувеличиваете мои способности, мистер Торнтон, — ответила женщина, позволив себе едва заметную улыбку.

— Нисколько, — возразил Пол. — Я человек практичный и имел удовольствие беседовать с родителями ваших воспитанников. Должен признаться, услышанное произвело на меня самое благоприятное впечатление.

Щёки миссис Керк слегка порозовели, но взгляд её, холодный и неприязненный, скользнул к мальчику, который, вцепившись в рукав отцовской рубашки, испуганно рассматривал её ботинки и строгое серое пальто.

— Элиас привыкнет к вам, миссис Керк, — уверенно произнёс Пол.

— Не сомневаюсь. Иди ко мне, милое дитя, — добавила она уже мягче, кивнув мальчику.

Элиас мгновенно спрятался за длинные ноги отца и прошептал:

— Папа... я боюсь эту тётю.

— Какой глупыш! — воскликнула миссис Керк и неожиданно рассмеялась.

Пол взял сына за локоть и подвёл ближе.

— Надеюсь, вы простите ему эту робость. Полагаю, её можно объяснить тем, что моему мальчику ни разу за все пять лет не довелось проводить время в исключительно женском обществе.

— У него есть мать? — строго спросила миссис Керк.

— Есть... но я предпочёл бы не касаться этой темы.

— Ах, простите мою бестактность! Уверяю вас, мистер Торнтон, я более ни словом не обмолвлюсь о его происхождении — поспешно заверила она.

— Искренне благодарю вас за понимание, — кивнул Пол. — Могу лишь добавить, что его мать оставила ребёнка на моё попечение и покинула нас по собственной воле.

Миссис Керк осуждающе покачала головой, едва слышно пробормотав:

— Ах, как возмутительно...

Затем, выпрямившись, она протянула мальчику одну из тех огромных книг, которые всё это время держала в руках.

— Сегодня мы займёмся чтением этой превосходной книги, Элиас, — объявила миссис Керк с тем торжественным видом, с каким священнослужитель открывает алтарь. — Ты знаком со Святым Писанием?

— Боюсь, что нет, миссис Керк. Мой сын ещё не обучен грамоте, — вмешался Пол.

— Не умеет читать в свои пять лет? — воскликнула она, словно услышала о величайшем нравственном падении. — В его возрасте непозволительно пребывать в столь вопиющем невежестве! Что ж, мы это исправим. Где мы можем начать наши занятия, мистер Торнтон?

— Где вам будет удобнее, — ответил мужчина, стараясь сохранить спокойствие.

Миссис Керк, с видом строгого инспектора, заглянула в кухню, прошла в гостиную и, наконец, произнесла:

— Пожалуй, удобнее всего нам будет в детской. Там мы не станем досаждать вам, мистер Торнтон, и не будем отвлекаться на посторонние предметы.

Мистер Торнтон одобрительно кивнул и удалился в гостиную с газетой, словно желая подчеркнуть, что доверяет ей судьбу своего сына.

***

Миссис Керк была родом из Саутгемптона — города, раскинувшегося на берегу пролива Те-Солент, где туманы, словно старые вдовы, бродят между доками, а корабельные мачты возвышаются над крышами, как лес из чёрных копий. В этом городе, полном солёного ветра, криков чаек и запаха далёких странствий, она когда-то была выпускницей пансионата благородных девиц Святого Племунда.

Там, ещё юной, она встретила своего первого и последнего мужа. Поженившись, они переехали в Западный Йоркшир, где миссис Керк давала уроки французского и фортепиано, стараясь привить детям благородные манеры и любовь к дисциплине. Но спустя несколько лет её супруг, человек слабого характера и ещё более слабой морали, сбежал с какой-то женщиной обратно в Саутгемптон, откуда вскоре сел на корабль и исчез на другом континенте.

С того дня миссис Керк возненавидела всех представителей мужского пола — от младенцев до седовласых стариков. Она переехала в Илкли, где занялась организацией церковных месс и праздников, находя в этом суровое утешение. Именно в стенах церкви Пол Торнтон впервые встретил эту женщину.

***

5.

Миссис Керк отличалась на редкость прямой осанкой и столь же редким скверным характером. Она выбирала учеников, к которым могла привязаться всем сердцем, и с тем же рвением находила среди них тех, кто, даже выучи всю Библию наизусть, оставался в её глазах недостойным ничего, кроме порицания и презрения.

К несчастью, Элиас оказался именно таким ребёнком.

Он не понравился ей с первого взгляда. Его худоба, болезненная бледность, тёмные волосы и глаза, а также слегка смуглый оттенок кожи — всё это раздражало её, словно напоминало о чём-то глубоко личном и неприятном. Она помнила слова мистера Торнтона о его матери и объясняла внешность мальчика следствием «грязного союза» и, как она считала, ещё более «греховного» рождения такого ребёнка.

Всё его существо, по её убеждению, отличалось от «чистокровного» английского мальчика — и это было для неё непростительным.

Уроки начались с изучения алфавита. В маленькой детской, за плотно запертой дверью, миссис Керк могла в полной мере утолить свой скрытый гнев на Элиасе и дать ему понять, насколько ничтожным и «загубленным» она считала его от природы. Каждый урок неизменно открывался её язвительными замечаниями о внешности мальчика, после чего «заботливая»

наставница переходила к чтению религиозных текстов — но и это не становилось для ребёнка облегчением.

Как только дверной колокольчик звенел, возвещая о появлении миссис Керк в доме, Элиаса охватывал такой озноб, будто ледяной ветер с северных пустошей прорывался прямо в его грудь. Его маленькие руки начинали дрожать, словно у больного лихорадкой; колени слабели, дыхание становилось прерывистым, а в висках стучала тяжёлая, глухая боль. Иногда его мутило так сильно, что он едва удерживался на ногах.

Тем временем няня, поднимаясь по лестнице, всегда выкрикивала неправдоподобно громким, фальшиво-сладким голосом:

– Здравствуй, милое дитя!

Но стоило двери детской закрыться, как её лицо менялось. Присаживаясь рядом с мальчиком, она больно щипала его за предплечье — так, что на коже оставались красные пятна, — и шептала:

– Посмотрим, что ты мне приготовил сегодня.

Элиас каждый раз готовился к уроку с отчаянным усердием. Задолго до прихода няни он раскрывал тяжёлый том Эрнеста Ренана о жизни Иисуса Христа и, сжав губы, читал новую главу снова и снова, стараясь не допустить ни единой ошибки. Он шевелил губами, повторяя трудные слова, и молил Господа помочь ему пересказать текст без запинки.

И он действительно помнил его — до тех пор, пока дверь не открывалась и его взгляд не встречался с ледяным, испепеляющим взглядом миссис Керк.

Стоило ей присесть рядом и прошептать своё страшное «посмотрим», как всё выученное мгновенно исчезало из его памяти. Слова путались, язык цеплялся за нёбо, мысли рассыпались, словно сухие листья под ветром.

Миссис Керк стояла перед ним с раскрытой книгой, сверля его безжалостным взглядом, и мальчик постепенно умолкал совсем.

По его щекам текли слёзы — не быстрые, горячие, а медленные, тяжёлые, как будто каждая рождалась из самой глубины его маленького, измученного сердца. Они катились по лицу, оставляя влажные дорожки на бледной коже, и падали на страницы книги, расплывая чернила.

Няня же, воздев глаза к воображаемому небу, измождённо восклицала:

– О, избавьте же мой тонкий музыкальный слух от этой нелепицы!

После этих причитаний она хватала мальчика за ухо, ставила его на колени перед собой и заставляла молиться о спасении своей души, выслушивая её тяжёлые нравоучительные проповеди, полные упрёков, презрения и холодной ненависти.

Так однажды, в один из тех бесконечно мрачных дней, когда тени в детской казались гуще обычного, Элиас вновь занимался с миссис Керк религиозным чтением. Няня уже успела трижды ущипнуть его, один раз стукнуть тяжёлой книгой по затылку и поставить на колени, предварительно дёрнув за ухо так, что оно вспыхнуло алым огнём.

После прочтения одной молитвы она немедленно перешла к другой и приказала повторять каждое слово с точностью церковного хора. Заплаканные глаза мальчика следили за каждым её движением, а дрожащие губы старательно выговаривали новые, трудные слова.

Внезапно он остановился и поднял на неё взгляд — робкий, испуганный, но всё же вопрошающий:

– Мэм... простите меня, но я не понимаю этого слова. Что значит ‘покаяние’?.

Женщина оскорблённо вскинула голову и смерила его взглядом, от которого у ребенка похолодело под ребрами.

– Это прошение у Господа об отпущении всех наших греховных деяний, Элиас. Люди, которые не приносят своего покаяния, вязнут в грехах по самую шею и попадают в огненную геенну, кишашую гадами и змеями.

– А что такое ‘огненная геенна’, мэм?

– Это огромный кипящий котёл, доверху наполненный раскалённой лавой, и в нём заживо варится каждый, кто совершил тяжкие грехи на земле.

Элиас, побледнев, выслушал ее и тихо произнёс:

– Мэм... можно мне задать вам ещё один вопрос?

– Какой? — раздраженно бросила она.

– В какой части света находится этот страшный огненный котёл?

– Ни в какой! — резко отрезала няня.

– Но как же тогда туда попадают грешники? Они сами идут туда? Или кто-то их приводит? А если они знают, что там варятся люди... почему соглашаются туда идти?

Миссис Керк топнула ногой, словно рассерженная лошадь, и вскрикнула:

– Ты ещё смеешь глумиться над Святым Писанием?!

– Нет! — испуганно воскликнул мальчик.

– Ну, погоди же у меня! Негодный водяной жук! Неблагодарный чертёнок! — причитала она, размахивая книгой так, будто собиралась швырнуть ее в ребенка.

После этих слов она бросилась к двери и стремительно спустилась по лестнице.

Оставшись один, мальчик сложил руки у подбородка и начал шептать нововыученную молитву о покаянии. Его страх был почти осязаем: грудь сжимало так, будто невидимая рука давила на нее; дыхание стало частым, рваным; сердце билось в висках тяжёлыми ударами. Он дрожал всем телом, словно маленькая птица, пойманная в силки. Казалось, сама тишина комнаты давит на него, заставляя ждать кары, которая вот-вот обрушится.

Не прошло и нескольких минут, как в детскую вошёл Пол, сопровождаемый миссис Керк, у которой, пока она поднималась наверх, успели выступить слезы — искусственные, но весьма кстати.

Пол удивлённо посмотрел на пустующий стул. Тогда миссис Керк осторожно указала на мальчика, стоящего на коленях у своей постели.

Отец, охваченный яростью, подошёл к Элиасу и ударил его по щеке. Миссис Керк даже слегка опешила и в сердцах произнесла:

– Может... этот урок утомил мальчика?

– Что же он не смог выучить? — холодно спросил Пол, не сводя взгляда с сына.

Няня подала ему книгу с молитвой о покаянии и, не говоря ни слова, присела на стул поодаль.

– Неверно, она слишком велика для его понимания... — начала она.

– Велика? Вздор! — рявкнул Пол. — Ему есть за что покаяться, хотя бы за грехи собственной матери!

Миссис Керк участливо закивала, словно подтверждая справедливость его слов.

– Вы слишком добры к нему, если считаете, что два часа в день могут утомить его неужемную натуру! Как по мне, он ленив и безалаберен, а не утомлён!

Пол снова повернулся к сыну:

– А если этот урок велик для твоего запоминания, то у меня в саду найдётся не менее великий прут, чтобы помочь тебе выучить его назубок и пересказать без единой запинки!

Элиас побледнел, словно из него вытекла вся кровь. Его глаза закатились, тело качнулось — и он рухнул на пол без чувств. Не просто упал: он словно сложился, как тряпичная кукла, лишённая внутреннего стержня. Его руки безвольно раскинулись, дыхание стало едва уловимым, а лицо приобрело восковую бледность, будто мальчик на мгновение покинул этот мир, спасаясь от ужаса, который стал для него невыносимым.

6.

С этого дня миссис Керк более не сочла нужным запираť двери: её власть над ребёнком стала столь полной, что она могла без малейшего колебания вклепать Элиасу пощёчину за

самую ничтожную провинность. Мальчик начал часто недомогать; его силы таяли, как свеча на сквозняке, и потому уроки нередко проводились прямо в постели, а иной раз откладывались вовсе.

Местный доктор, человек сухой и обстоятельный, поставил мальчику диагноз «нервное истощение» — выражение, которое, пожалуй, звучало даже мягче, чем то состояние, в котором находился бедный ребёнок. Он предписал полный отдых от занятий, свежий воздух и покой.

Но рисунки его, некогда полные света, радости и детской непосредственности — где солнце сияло так ярко, что казалось, будто оно вот-вот выскользнет за край страницы, где корабли мчались по лазурным волнам, а люди улыбались так широко, словно не знали ни горя, ни страха, — теперь изменились до неузнаваемости.

На бумаге появлялись огненные лавы, кипящие котлы, из пастей которых, в неописуемом страдании, взирали на мир искажённые мукой лица грешников. Но даже среди этих мрачных видений Элиас неизменно оставлял место надежде: над адским пеклом он рисовал фигуру в белоснежно-голубой мантии — человека, словно парящего в воздухе, готового протянуть руку каждому, кто зывал о прощении.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды отца не вызвали на службу. И в один непогожий день, когда ветер бился в ставни, а небо висело низко и тяжело, в дом вновь вернулась миссис Керк.

Когда она вошла, Элиас испуганно взглянул на отцовский чемодан и лёгкий плащ, аккуратно приготовленный к дороге. Он увидел, как отец обулся в туфли, нечищенные до блеска, надел плащ и шляпу, взял чемодан. Пол улыбнулся сыну — и мальчик, не выдержав, бросился к нему.

Он схватил отца за рукав плаща и, дрожащим голосом, почти рыдая, произнёс:
— Папочка... милый... родной... возвращайся скорее... папа...

Миссис Керк одобрительно закивала, сложив руки на груди, и произнесла с напускной нежностью:

— Ах, как приятно видеть, когда мальчик так привязан к отцу! Воистину маленький ангел!

Сам Пол Торнтон опешил от столь бурных мольб сына. Он поднял мальчика на руки:

— Разве солдаты плачут?

— Нет, папа... — прошептал Элиас, виновато прижимаясь тёмной головкой к его плечу.

— Ну, будет тебе, сын.

Мальчик всхлипнул и поспешно вытер ладонями мокрые глаза.

— Веди себя как подобает джентльмену, и я привезу тебе гостинцы.

— Хорошо, папа... Только ты всё равно постарайся вернуться скорее...

Пол опустил сына на пол и вышел. Элиас подбежал к окну и смотрел вслед отцу, пока тот не свернул за перекрёсток и не растворился в толпе.

Тем временем миссис Керк разложила на кухонном столе книги, раскрыла их на нужных страницах и положила на стул, предназначенный для Элиаса, гороховую подушку. На вид она ничем не отличалась от обычной диванной думки, но внутри её вместо пера был сушёный круглый горох — жестокое приспособление, давно известное строгим наставницам.

— Ну что ты нюни распустил, как избалованная неженка, — пробормотала она, скривив свои тонкие губы.

Элиас оторвался от окна и боязливо посмотрел на няню.

— И лохматый какой! Дай хоть расчесу тебя! — фыркнула она, указывая на стул с подушкой.

Мальчик подошёл и, увидев подушку, вопросительно взглянул на неё.

— Ну же, не тяни кота за хвост! — рявкнула она. — Усаживайся!

Он сел. Горох неприятно перекатился под его весом, подушка издала скрипучий звук.

— И чем ты занимался всё это время, Элиас? — спросила няня, начиная расчёсывать его густые тёмные волосы жёстким гребнем.

— Читал, мэм... гулял в саду... и рисовал, — ответил он, поморщившись.

— Что же ты рисовал? — язвительно спросила она, наклоняясь ближе.

— Всякие картинки...

— Я хотела бы взглянуть на них.

Элиас поспешно достал альбом и протянул ей. Миссис Керк долго изучала рисунки. По её взгляду можно было понять, насколько она была поражена: в этих мрачных, но удивительно точных образах было столько силы, столько воображения, что даже её холодное сердце на мгновение дрогнуло.

Но лишь на мгновение.

— Что это за фигура над ними? — спросила она, указывая на сияющего человека в мантии.

— Это... Господь, мэм, — тихо ответил Элиас.

— Господь над адским пламенем?! — взвизгнула она.

— Он пришёл за грешниками, которые раскаялись... — голос мальчика был мягким, почти молитвенным.

— Зачем?! — яростно выкрикнула она.

— Чтобы забрать их в Царство Небесное... Он даровал им прощение... — произнёс Элиас с такой искренностью, будто сам видел это видение.

— Глупый мальчишка! — взревела миссис Керк. — Господь не снизошёл бы до них в самое пекло! Нелепость! Дурь! Богохульство!

— Но ведь они покаяться... и если Господь прощает после покаяния... разве Он не спасёт их? — воскликнул Элиас.

— Дрянной ребёнок! Негодное дитя! Сиди на месте! — закричала она. Лицо её стало серовато-бурым, руки затряслись. Она выхватила альбом и разорвала его на части.

— Отныне я не желаю, чтобы ты рисовал! И скажу твоему отцу, что это занятие вредит твоему слабому рассудку!

Элиас умолял её, просил позволить ему рисовать хотя бы добрые, простые картинки — но миссис Керк была непреклонна. Её лицо стало каменным, губы сжались в тонкую линию, глаза потемнели, как свинцовые тучи перед бурей.

Она продолжила расчёсывать его волосы, молча, резко, словно вырывая каждую прядь. Элиас тоже молчал, тяжело вздыхая и украдкой глядя на пол, где лежали обрывки его рисунков — последних следов его короткого счастья.

— Ты молился Господу Богу? — внезапно спросила миссис Керк, не поднимая глаз, но в голосе её прозвучала ледяная настороженность.

— Да, мэм... каждое утро перед завтраком и вечером перед сном, — тихо ответил Элиас.

— О чём же ты просил у Него?

— О папе... о его здоровье... и о маме тоже...

Няня резко дёрнула мальчика за волосы — так резко, что его голова болезненно откинулась назад, а по коже пробежала острая, жгучая боль, будто кто-то провёл по ней раскалённой проволокой.

— О маме?! — её голос сорвался на возмущённый шёпот.

— Да, мэм... Я всегда прошу Господа, чтобы у неё всё было хорошо... и чтобы она тоже была здорова...

— А ты знаешь, кто твоя мать? — спросила она так, будто готовилась нанести удар, и слова её были натянуты, как струна, вот-вот готовая лопнуть.

— Нет... — ответил мальчик и неловко привстал, чтобы поправить гороховую подушку, которая впилась острыми, круглым зерном прямо в нежную кожу ягодиц, словно пытаясь оставить на нём следы чужой злой воли.

— Твоя мать — потаскуха, Элиас! — удовлетворённо воскликнула Керк, будто наконец произнесла истину, которую давно жаждала бросить ему в лицо.

— Потаскуха?.. — прошептал ребёнок, ошеломлённо распахнув глаза.

— Именно!

— А что это такое? — спросил он с искренним, детским недоумением.

— Это самый тяжкий из всех грехов, который только может совершить женщина! — торжественно, почти с наслаждением произнесла она. — Прелюбодействовать с чужими мужьями, в тайне от их жён!

Элиас вскинул голову, и в его голосе прозвучала отчаянная, трепетная надежда:

— Тогда я буду молиться о её покаянии! И тогда Господь простит её... и не сбросит в раскалённое пекло!

— Несмышлёный дурачок! — отрезала няня. — Твои молитвы не помогут ей!

— Но почему? — голос мальчика дрогнул.

— Потому что ты и сам — часть её греха! — прошипела она, наклоняясь так близко, что он почувствовал её тяжёлое, горячее дыхание. — Взгляни на свои руки — они черны! Сам Иисус пометил тебя с ног до головы, будто вымазал чернилами, чтобы каждый мог увидеть, что ты — дитя греха!

Элиас испуганно уставился на свои ладони, будто видел их впервые, и вскрикнул:

— И теперь я навсегда буду грешником?...

— Да! — воскликнула няня с нескрываемым, почти звериным удовольствием.

Элиас опустил голову, и тихие, тяжёлые слёзы покатались по его щекам — не быстрые, не истеричные, а медленные, как будто рождённые самой глубиной его маленького, измученного сердца.

Только тогда, добившись этих слёз, миссис Керк удовлетворённо закончила расчёсывать его волосы. Властно приказав ему прекратить рыдать, она развернула книгу и холодным, бесстрастным голосом объявила начало урока чтения.

7.

Элиасу только исполнилось шесть, когда для него началась долгая, тягучая, безотрадная череда дней, каждый из которых, казалось, растягивался до бесконечности, подобно серому зимнему сумраку, что не желает уступать место рассвету. Уроки превратились в пытку: они сопровождалась резкими пощёчинами, унижительными окриками, мелочными упрёками и тем особым видом запугивания, которым пользуются люди, давно утратившие способность к состраданию. Мальчик вновь отощал; его лицо стало болезненно-бледным, почти прозрачным, словно кожа его была натянута на хрупкий каркас из тревоги и недосыпа. В нём появилось что-то от маленького призрака — тихого, незаметного, обречённого.

Каждый прожитый день он отмечал крохотной чертой в углу своей ученической тетради — тонкой, почти невидимой линией, похожей на царапину, оставленную ногтем на старом дереве. Так заключённые ведут счёт времени, которое им не принадлежит.

Утро неизменно начиналось с умывания и причёсывания. Няня, облачённая в своё чёрное платье, пахнущее крахмалом и чем-то затхлым, заставляла мальчика смотреться в зеркало. Она брала его за плечи — слишком крепко, как будто удерживала не ребёнка, а непослушную вещь, — склонялась к самому его уху и шептала с ядовитой мягкостью:

— Погляди на себя. Разве ты похож на своего красавца-отца? Может статься, ты вовсе и не его сын...

Иногда она начинала с безобидных, почти сказочных историй — о прекрасной деве и отравленном яблоке. Элиас, доверчивый и жадный до любого проявления внимания, слушал её, глядя в зеркало на отражение няни: на её неподвижное лицо, на тонкие губы, которые, казалось, всегда были готовы сложиться в усмешку; на глаза, в которых не было ни тепла, ни света, только холодное, расчётливое любопытство, как у человека, наблюдающего за насекомым, попавшим в ловушку.

И когда мальчик, увлечённый рассказом, чуть приоткрывал рот, она внезапно спрашивала:

— Элиас, а ты видел когда-нибудь порченное яблоко?

— Нет, миссис Керк, — отвечал он искренне удивлённо.

— Как же так? А яблоня в саду у миссис Огден? Помнишь, сколько яблок по осени валялось на земле, сброшенных самим деревом?

— Да... помню... — кивал он, всё более озадаченный.

— А какого они были цвета? — допытывалась она, и уголки её губ дрожали, словно удерживая рвущуюся наружу ядовитую улыбку.

— Не знаю... — виновато шептал мальчик.

— Ах ты невнимательный ребёнок! Они были коричневые, как ты. Не белые, красивые, сияющие на ветвях — нет. Коричневые, тёмные, ненужные.

— Я не яблоко... — робко возражал он.

— Верно. Ты — порченное яблоко, Элиас. А в порченном яблоке живёт червь. Он ест его изнутри, начиная с сердцевины, и потому внутри такое яблоко чёрное, гнилое. Дереву не нужны такие плоды — оно сбрасывает их, обрекая на гибель.

— Во мне живёт червь?! — вскрикивал он, побледнев ещё сильнее.

Любой другой человек, увидев эти огромные, доверчивые, испуганные глаза, почувствовал бы стыд, раскаяние, хотя бы тень сомнения. Но только не миссис Керк. Её лицо оставалось неподвижным, словно вырезанным из старой слоновой кости; лишь в глубине глаз мелькал холодный блеск удовлетворения — как у человека, который методично ломает игрушку, наслаждаясь каждым треском.

— Конечно, и не один, Элиас, — продолжала она с тихим торжеством. — Поэтому ты такой снаружи — не белокожий, потому что гнилой внутри. Поэтому по твоим жилам течёт мутная, забродившая кровь, как в прожилках того яблока гуляют безжизненные соки. Поэтому твоя мать, подобно яблоне, избавилась от тебя. Она закопала тебя в серых, прелых листьях... А ты возьми да и разорись, как резаный. Сам мистер Торнтон рассказывал мне, что нашёл тебя под деревом, в куче гнилых плодов. Тебе и четырёх дней от роду не было...

После этих слов Элиас опускал глаза в пол. Его маленькие плечи начинали судорожно дрожать, будто под тяжестью невидимого груза. Он становился совсем крошечным, сгорбленным, словно всё его тельце пыталось свернуться в тугой комок, чтобы спрятать от мира свою боль, свою ненужность, свою ничтожность. Внутри него что-то ломалось — тихо, беззвучно, как ломается тонкая веточка под снегом. Даже яблоня в саду Огденов казалась ему теперь существом более достойным, чем он сам.

— Это неправда... — едва слышно всхлипывал он.

— Правда, Элиас. Правда, — шептала няня, упиваясь каждым словом, словно сладким вином.

8.

В один из тех дней, когда дом мистера Торнтона дышал привычной суровостью и скрипучей строгостью, миссис Керк, как полноправная хозяйка, следуя своему неизменному обычаю, принялась причёсывать Элиаса с таким рвением, будто стремилась вычесать из его головы не только непокорные пряди, но и саму возможность свободной мысли. Доведя мальчика до горьких, унижительных слёз, она, словно желая увенчать своё утреннее усердие достойной печатью, обозвала его «мерзким водяным жуком» — выражением, которое, казалось, давно уже стало её любимым украшением речи.

Усадив бедного ребёнка на жесткую гороховую подушку перед раскрытой книгой и строго-настроено велел выучить урок к её возвращению, миссис Керк надела своё лучшее воскресное пальто, поправила шляпку и отправилась на собрание в церковь. Элиас слышал, как дверь хлопнула, как её каблуки застучали по дорожке, выложенной белым камнем, — и этот звук, удаляясь, приносил ему не облегчение, но странную, тоскливую пустоту.

Он попытался прочесть хотя бы одну главу, но слёзы обиды застилали строки; чёрные головки буковок, казалось, сорвались с места и пустились в ошеломляющий пляс, перемешиваясь перед глазами в какой-то безумный, дружный хоровод, словно сама книга насмеялась над его стараниями.

Не выдержав, Элиас поднялся со стула, оставив на подушке маленькое углубление, будто след своей покорности, и, прижав под мышку другую книгу — ту, что была ему особенно дорога, — вышел в сад.

Сад этот был невелик и скромн: кое-где трава выбилась из сил под палящим солнцем, кое-где кусты росли так, словно давно уже махнули рукой на человеческое вмешательство; и всё же в этой неухоженной зелени было что-то утешительное, тихое, почти родственное. Элиас присел у орешника на тёплую, прогретую летним солнцем землю и раскрыл книгу, бережно проведя ладонью по любимым картинкам.

Перед ним оживали матросы — весёлые, ловкие, вечно занятые делом: они катали по палубе деревянные бочонки с вином и пресной водой, будто участвовали в каком-то своём, морском танце. Огромные пушки, изображённые на гравюрах, казались живыми: из их жерл вылетали гладкие, пустотелые ядра, начинённые зажигательным порохом; брандсгутели, словно огненные птицы, давали отпор вражеским кораблям, беспощадно лупя их по носу и бортам. Капитаны стояли на смерть, не уступая ни дюйма палубы, а после победы над пиратским судном его флаг — изрешечённый, словно старое решето, — погружался в воду последним, уходя в морские пучины как трофей, который море принимало с торжественной важностью.

Пока Элиас всхлипывал, прижимая книгу к коленям, двое резвых мальчиков на блестящих велосипедах остановились у забора. Один из них, Стивен, окликнул его с веселой, но слегка насмешливой ноткой:

— Ты чего расхныкался, мелюзга!

Элиас поднял голову, поспешно встал, оставив книгу на сухой, тёплой земле под орешником.

— А ну иди сюда! — крикнул Стивен, придерживаясь обеими руками за верх забора.

Элиас послушно подошёл.

— Что с тобой стряслось, Элиас? — с искренним участием воскликнул Кайл и протянул ему руку.

— Ничего, Кайл... — прошептал мальчик, но слёзы, будто почувствовав его слабость, хлынули с новой силой; он смутился, отвёл взгляд, стараясь спрятать своё лицо, словно стыдился самой человеческой способности плакать.

— Раз ничего, чего ревёшь тогда, как девчонка? — спросил Стивен. Он был старше брата и Элиаса на целых три года и чувствовал себя, по праву возраста, почти взрослым человеком, обязанным рассуждать и действовать с важностью.

— Я ... — начал Элиас и снова заплакал.

— Да уж, дело дрянь! — деловито произнёс Стивен и, подражая манере отца, потер подбородок с видом человека, привыкшего принимать решения.

— Как нам помочь тебе? — жалобно спросил Кайл, всё ещё держа руку друга в своей.

— А как тут поможешь, если мы даже не знаем, отчего он заливается горькими слезами! — воскликнул Стивен.

Тогда Элиас не выдержал и рассказал всё.

Кайл, глядя то на друга, то на брата, прошептал с горячей жалостью:

— Он ведь наш друг! Папа всегда говорил, что хорошие друзья в беде не бросят. А мы что же — оставим Элиаса одного плакать под деревом? Какие же мы после этого друзья, Стив?

Стивен, чувствуя себя главным, задрал подбородок, оглядел окрестности с видом полководца, оценивающего поле битвы, и внезапно воскликнул:

— Эврика! Придумал! Мы твоей старой горгулье подарок сделаем! Ручаюсь, она помрёт от счастья!

— Кому? — переспросил Элиас, вытирая ладонями мокрые глаза.

— Твоей старой кочерыжке Керк! Забирайся ко мне, поехали на пруд! Мы как раз порывачить собирались — заодно и подарок сбаваем!

— Мне нельзя выходить за калитку... — прошептал Элиас. — Мне даже в сад нельзя было выходить без спросу...

— Ну и реви тогда себе на здоровье! Поехали, Кайл! Не пристало мне с мелюзгой возиться! — буркнул Стивен.

Кайл неуверенно запрыгнул на велосипед:

— Поехали, Элиас! Она всё равно придумает, за что тебя наказать. Так лучше уж за дело!

— Вот именно! — подхватил Стивен. — Поехали!

— Не знаю... — жалобно произнёс Элиас.

— Тьфу на тебя, не знаю! Лето на дворе! Самое время купаться да рыбу ловить, а ты над книжками корпишь! Или ты сам не хочешь? — возмутился Стивен.

— Очень хочу! — воскликнул Элиас, прижимая руку к сердцу.

— Поехали, Элиас! Мы в прошлый раз такую рыбину выловили — скажи кому, не поверит! Правда, Стив? — оживился Кайл.

— А то! — гордо ответил старший брат. — Да мы и в этот раз поймаем, ещё больше! Я затылком чую, что сегодня клюнет! Поехали с нами!

— Поехали, ну же! — умоляюще повторил Кайл.

Элиас огляделся — с испугом, с надеждой, с тем тайным трепетом, который испытывает ребёнок, впервые решающийся нарушить запрет — и, будто преодолев невидимую черту, выбежал за калитку.

Он ловко забрался на багажник велосипеда Стивена, и трое мальчиков, словно маленькая кавалькада летних искателей приключений, помчались к пруду за подсолнуховым полем.

Пока они мчались по узким тропинкам, ведущим к пруду за Илки, сама природа, казалось, распаивала перед ними свои летние объятия. Нежный, почти игривый ветерок шекотал им лица и колени, забирался за пазуху, раздувая их рубашки, словно лёгкие воздушные змеи, и придавал их бегству оттенок беззаботного, мальчишеского полёта.

По обе стороны тропы тянулись холмы — те самые, что делают Илки похожим на огромный зелёный амфитеатр, где каждая травинка знает своё место. Ветер пробежал по вересковым зарослям, и они колыхались, будто море, затерянное среди йоркширских долин. Вдалеке виднелись каменные стены пастбищ, а над ними — высокое, чистое небо, такое просторное, что казалось, будто оно создано специально для детских приключений.

Кайл, не удержавшись, на лету хватал длинные, пожухлые стебли с тяжёлыми головами круглолицых солнц — подсолнухов — и размахивал ими, словно маленькими ветряными мельницами. Из-под высокой травы выпрыгивали длинноногие кузнечики, а длиннохвостые ящерицы, потревоженные бойкими смельчаками, стремглав разбегались в стороны.

Стивен, крутя педали с таким усердием, будто хотел догнать сам ветер, выкрикнул:

— Мы этой миссис Манки устроим! Мы ей покажем, как иметь дело с водяными жуками!

И Элиас... Элиас смеялся. Впервые. Настояще, без оглядки, без страха.

Смех вырывался из него, как долгожданный солнечный луч из-под туч. Он раскинул руки, подставляя лицо ветру, солнцу, лету — всему тому, что до этого дня будто проходило мимо него. Слёзы текли по его щекам, но это были слёзы счастья, лёгкие, как роса на утренней траве.

Когда ребята добрались до пруда, они с весёлым шумом свалили велосипеды у старого дерева и наперегонки бросились к воде.

Пруд лежал в низине, словно старинное зеркало, забытое природой среди холмов. Его поверхность была гладкой, как стекло, и отражала облака, проплывающие над Илкли. По краям рос камыш, высокий и плотный, а в тени ив вода темнела, будто хранила в себе какие-то древние тайны. На мелководье рябь играла солнечными бликами, а в глубине пруда вода становилась густой, зеленоватой, прохладной.

— Давай искупаемся, Элиас! — радостно крикнул Кайл и, не раздумывая, сбросил с себя шорты и рубашку.

Элиас, забыв о своём горе, разделся и бросился в воду. Они плескались, ныряли, смеялись, пока Стивен, изображая из себя опытного рыбака, копал червей в жестяную банку.

— Ну, хватит! Так всю рыбу распугаете! — заметил он, когда мальчики начали сражаться на стеблях в камышовых тростниках.

Они послушно выбрались на берег, оставшись в одних плавках, и начали рыбачить. У Кайла и Элиаса была одна удочка на двоих: они держали её по очереди, с трепетной серьёзностью, прислушиваясь к наставлениям старшего.

Леска дрожала в их руках, поплавков покачивался на воде, и каждый раз, когда он уходил под воду, сердца обоих мальчиков подпрыгивали от восторга.

Поймав несколько златопузых рыбёшек, Стивен довольно хлопнул в ладоши:

— А теперь займёмся подарком!

Он опустошил банку, выпустив на волю последних червяков, и скомандовал:

— Мы полезем вон туда. Только чур — это моё место! Я его первым заприметил! Так что держите язык за зубами и никому ни слова!

Ребята кивнули.

— Нет, поклянитесь! На могиле червяков! — заговорщицки прошептал Стивен, выставив банку перед ними.

Мальчики торжественно положили влажные ладони на жестянку и переглянулись с видом людей, вступающих в тайное братство.

Стивен указал на дальнюю часть пруда, густо заросшую камышом и затянутую зелёными волнистыми водорослями.

— Вода там застоялась и прогнила, так что не поскользнитесь на иле, мелюзга!

Они осторожно полезли в камыш, шагая по ряске и держась за руки. Стивен ловко перепрыгнул с камня на камень и радостно вскрикнул:

— Ну чего вы там копаетесь? Слышите, сколько мы лягушек разбудили? Теперь они нам концерт устроят!

Элиас с Кайлом засмеялись, а Стивен, довольный своей шуткой, едва удержался, чтобы не покатиться со смеху вместе с «мелюзгой».

Добравшись до середины заросшей части пруда, Стивен сорвал стебель камыша, на котором сидело странное насекомое, и произнёс:

— Вот! Это пока ещё личинка настоящего жука-плавунца! Ищите их и собирайте в эту банку.

Он поставил жестянку на камень, торчащий из мутной воды, и сам принялся за сбор.

Элиас стоял по щиколотку в застойной, тягучей воде и внимательно разглядывал стебли растений. Каждый раз, заметив жука, он осторожно брал его на ладонь, гладил по скользкой спинке и бережно опускал в банку. Жук-плавунец, оказавшись в заточении, карабкался по ржавым стенкам, падал, переворачивался и снова пытался выбраться. Его задние лапки, плоские, как крохотные вёсла, дрожали в отчаянном усилии.

Мальчики работали молча, увлечённо, под аккомпанемент кваканья и рулад жаб. Их ступни скользили по гладким камням, покрытым густым илом. У берега торчали тонкие, змейковидные корни тощих деревьев, уходящие в мутную воду. Водоросли цеплялись за щиколотки и неприятно щекотали.

Один раз Кайл чуть не повалился навзничь, но Элиас подхватил его, и они вместе, обнявшись, рухнули в воду. Смех их разнёсся над прудом, а Стивен, снисходительно улыбаясь, буркнул:

— Болваны!

На обратном пути Стивен постукивал кулаком по банке и бросал на Элиаса многозначительные взгляды — такие, какими взрослые мужчины обмениваются перед важным делом.

— Всё запомнил?

— Да.

— А ну повтори.

— Поставлю банку на кухонный стол и скажу про подарок.

— Молодец. А дальше?

— Выжду паузу... и соберу их обратно...

— Вот недотёпа! А про человека забыл? — возмутился Стивен.

— И про человека скажу!

— Гляди мне! Иначе все наши труды пойдут насмарку! Говори уверенно, не трусь — чтоб эта горгулья зауважала тебя!

— Хорошо! — ответил Элиас и улыбнулся.

— То-то же! Посмотрим, как теперь эта тутанхамоновская мумия запоёт!

9.

Кайл с Элиасом в который раз расхохотались над очередной шуткой Стивена и, довольные своим славным путешествием, распрощались у калитки дома

Торнтонов. Летний день, казалось, всё ещё дрожал вокруг них, как тёплый звонкий воздух, не желая отпускать.

Но едва Элиас переступил порог, как миссис Керк, словно вынырнув из тени, подбежала к нему и наотмашь влепила пощечину. Удар был резким, но мальчик, напитанный радостью прошедшего дня, будто не почувствовал боли - слишком много света и смеха ещё жило в его груди, чтобы уступить место слезам.

Лицо няни было бледным, вытянутым, как у человека, пережившего сильное потрясение; её руки беспокойно теребили пуговицы на платье, словно она пыталась удержать собственное сердце, готовое выскочить наружу.

— Куда ты запропастился, мерзкий водяной жук?! — воскликнула она, голосом, дрожащим от гнева и тревоги.

Элиас, не проронив ни слова, протянул ей жестяную банку и тихо, почти робко произнес:

— это вам.

— Что это ещё такое? — возмутилась няня, с отвращением беря банку двумя пальцами, будто это был не предмет, а нечто липкое и отвратительное. Она поднесла её к глазам, вытянув шею, как дама, которой подали нечто недостойное её положения: её губы скривились и поджались, ноздри дрогнули, будто боялись вдохнуть воздух, который соприкасался с жестяной, подбородок задрожал от брезгливости, а взгляд стал таким, будто она рассматривала не предмет, а воплощённое оскорбление.

— Подарок, — сказал Элиас.

— Подарок? Мне? — изумленно переспросила миссис Керк, и в её голосе впервые за долгое время прозвучало неподдельное удивление.

— Да, вам. Я сделал его своими собственными руками... для вас... он — ваш.

С некоторой опаской, но всё же поддавшись любопытству, няня сняла плотную крышку. В тот же миг её глаза расширились до размеров пятипенсовика, грудь судорожно вздохнула, а на выдохе она издала пронзительный крик:

— Помогите!

Уголки её рта поднялись в нелепой, судорожной гримасе, напоминавшей зловещую маску ханя, будто она внезапно оказалась на сцене японского театра Ноо, вынужденная играть роль, к которой её никто не готовил. Из банки, словно из преисподней, полезли личинки, а за ними, торопясь к свободе, ринулись их родители — взрослые жуки. Один из них — влажный, гладкий, блестящий — уселся на её костлявую руку. Миссис Керк, издав сдавленный вскрик, попыталась стряхнуть его, и вместе с ним швырнула банку на пол.

Жуки, лишённые своей водной стихии, бросились врассыпную по паркету, превращаясь из плавунцов в отчаянных сухопутников — беглецов. Миссис Керк схватилась за голову, закрываясь руками, словно от летящих в неё стрел, и попятилась к лестнице. Её дыхание стало рваным, губы беззвучно шевелились, будто она пыталась вымолить спасение, но слова тонули в панике. Казалось, что её вытащили из воды рыбаки, и теперь ей отчаянно не хватало жабр, чтобы вобрать воздух.

Элиас стоял неподвижно, глядя то на няню, то на жуков. Он молчал.

— Элиас, убери их отсюда немедленно! Собери всех до одного, ты слышишь меня, негодная твоя душонка! — закричала Керк, указывая дрожащим пальцем на опустошённую банку.

Мальчик хотел было броситься исполнять приказ, но вспомнил наставления Стивена и застыл, словно прирос к полу, охваченный внутренней борьбой.

— Что это значит? Как это понимать?! — продолжала кричать няня, пятясь назад, пока не споткнулась о ступеньку и не рухнула на мягкое место.

Элиас взглянул на неё с тревогой, но всё же остался неподвижен, сдержав свое обещание перед друзьями.

— Элиас Торнтон! Я приказываю тебе сейчас же убрать этих мерзких тварей!

— Нет... — едва слышно произнёс мальчик.

— Как? Что? Почему?! — залепетала няня, ошеломлённая неслыханной дерзостью и неповиновением.

— Я не сделаю этого, мэм... потому что они — мои друзья. Вы ведь сами сказали, что я — мерзкий водяной жук... не правда ли?

— Нет! Нет, Элиас, конечно, ты не жук! Конечно, нет! Только отнеси их обратно, прошу тебя, будь послушным мальчиком! — выпалила она, отбрасывая носком туфли жука, который пытался взобраться на её подол.

— Если я не жук, то кто же тогда, мэм? — дрожащим голосом спросил он.

— Ты... ты... ты — человек, Элиас! Человек! Святой Плегмунд, убери отсюда эту мерзость! — вскрикнула она и разразилась громкими рыданиями.

Элиас бросился к ней, упал на колени, схватил её руки и прижал их к губам.

— Я уберу! Только не плачьте, пожалуйста! Я уберу их! Клянусь всем, что есть на свете! — взмолился он, осыпая её ладони поцелуями.

Он бросился к жукам и начал собирать их обратно в банку — бережно, осторожно, стараясь не повредить хрупкие тельца насекомых.

— Не плачьте, мэм... я отнесу их обратно... — причитал он, бросая жалостливые взгляды на её покрасневшее лицо.

Когда все беглецы были пойманы, Элиас подошёл к няне и протянул ей руку:

— Я помогу вам подняться, миссис Керк... принесу воды... Хотите, я открою окно в гостиной, впущу свежий воздух?

Но едва он произнёс первую просьбу о прощении, как женщина вскочила, будто ужаленная.

— Нет уж! Я претерпела в этом доме столько унижения за одно лишь утро, что не пожелаю бы провести здесь и дня! Неблагодарное дитя! Я знаю эти глаза! Так смотрит сам сатана, облачившийся в овечью шкуру! Он овладел твоей душой, и теперь она вынуждена повиноваться его воле!

— Нет, мэм! Я не хотел вас обидеть! Простите! — вскричал Элиас, заламывая руки и вновь падая перед ней на колени.

— Дрянной мальчишка! Иуда! — кричала миссис Керк, метаясь по дому и собирая свои жалкие пожитки.

Схватив свой саквояж — жалкий, но тщательно оберегаемый символ её достоинства, — миссис Керк, всё ещё всхлипывая и оглядываясь на мальчика с выражением ужаса, которое могло бы украсить лицо мученицы на средневековой гравюре, стремглав выбежала из дома. Её шаги, быстрые и неровные, отдавались по коридору, словно удары сердца, охваченного паникой. Дверь хлопнула так, будто сама судьба поставила точку в их несчастливом союзе.

Элиас остался стоять посреди холла — маленькая, хрупкая фигура в огромном, внезапно опустевшем доме. В воздухе ещё витал запах пролитой воды, влажной земли и испуга, а на полу, где недавно метались жуки, лежали крошечные следы их отчаянного бегства — следы, которые казались мальчику обвинениями, брошенными в его сторону.

Он медленно поднял банку, прижимая её к груди, словно она была последним доказательством того, что он не одинок в этом мире. Его губы дрожали, но он не плакал — не потому, что не хотел, а потому, что слёзы, казалось, застыли где-то глубоко внутри, превращённые в тяжёлый, неподъёмный камень.

Дом дышал холодом и пустотой. Тишина, наступившая после крика миссис Керк, была такой густой, что казалось — она давит на стены, на окна, на самого Элиаса.

Он подошёл к лестнице, где ещё недавно сидела няня, и провёл рукой по ступени, словно надеясь нащупать тепло её присутствия. Но дерево было холодным, как камень надгробия.

— Я... я не хотел... — прошептал он, но слова растворились в пустоте.

В этот момент дом, казалось, наклонился к нему, прислушиваясь. Но никто не ответил.

Элиас сжал банку крепче, взглянул на его друзей в жестянке и тихо произнес:

— Я отнесу вас домой... я обещал.

И, ступая осторожно, словно боялся потревожить тишину, мальчик направился к двери — к пруду, к обители жуков-плавунцов.

10.

После всего случившегося миссис Керк вернулась в дом и, сохранив на лице выражение оскорблённого достоинства, величаво опустилась на стул в прихожей, водрузив свой саквояж на колени, словно это был не простой дорожный баул, а некий символ её правоты и страданий.

Элиас, вернувшись от пруда, где он с трепетной заботой отпустил своих маленьких друзей, приблизился к ней, намереваясь вновь умолять о прощении. Но женщина, не дав ему и слова произнести, вытянула вперёд свою худощавую руку — тонкую, как высохшая ветвь, — и отрицательно покачала головой. В этом движении было всё: и холодная решимость, и негодование, и та суровая непреклонность, которой обладают лишь люди, уверенные в собственной правоте.

Тогда Элиас, словно лишённый последней надежды, опустился на пол напротив неё и склонил голову, как провинившийся ученик перед строгим наставником. Они просидели так — в полном, почти гробовом безмолвии — долгие часы, пока вечер не начал сгущаться за окнами, и тишину не нарушил хлопок калитки, за которым последовала тяжёлая, уверенная поступь по каменной дорожке.

Дверь распахнулась, и на пороге возник Пол Торнтон. Он поставил чемодан на пол и поспешил к миссис Керк. Элиас поднялся с паркета, растерянный и жалобный, и уставился на отца взглядом, в котором смешались страх и надежда. Няня же склонилась к мистеру Торнтону и торопливо, почти захлёбываясь, принялась что-то рассказывать. Её слова сыпались мелко, быстро, как горох по столу; руки металась в воздухе, то указывая на пол, то на дверь, то на самого мальчика. Но внезапно она сгорбилась, словно под тяжестью собственного рассказа, и разрыдалась.

Пол поморщил нос, будто проглотил горькую пилюлю, и, сдерживая раздражение, приобнял пожилую женщину за плечи.

Позже, поблагодарив мистера Торнтона, миссис Керк села в чёрный кэб и покинула их дом навсегда.

Элиас стоял перед рассерженным отцом, понутив голову и не смея поднять на него взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.